



ШВЕЦ

ВТОРОЙ ШАНС ДЛЯ
БАНДИТА

ОЛИ СЕРЖ

Олли Серж Швец. Второй шанс для бандита

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67688154
Швец. Второй шанс для бандита / Олли Серж: Авторское; 2022*

Аннотация

Мой ребёнок, здесь, в интернате?!

– Девочка сирота? – шокировано рассматриваю родимое пятнышко на пальчике девчужки. Один в один, как мое...

Совпадение? Да быть этого не может! Кто? Какая посмела родить?

– Нет, что вы, – вспыхнув, отвечает воспитательница. – У Машеньки есть мама. Просто много работает...

– Я... я стишок забыла, – собирается зарыдать девчонка.

– Ничего, не плачь...

Отдаю ребёнку новогодний подарок и машинально треплю по светлым косичкам.

Мама значит есть...

Незаметным жестом подзываю помощника.

– Выясни, кто ее мать!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Глава 7	37
Глава 8	42
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	60
Глава 12	65
Глава 13	71
Глава 14	77
Конец ознакомительного фрагмента.	79

**Олли Серж
Швец. Второй
шанс для бандита**

© Олли Серж, 2022

Глава 1

Снежинка и Бармалей

Швец.

– Александр Николаевич, давайте закругляться, – трогает меня за плечо помощник. – Телевидение уже уехало, а вас «Газ-инвест» на корпоратив ждёт.

– Я сам решу, когда закругляться, – рычу в ответ. Бесят!

Тоже мне, нашли мальчика по-вызову... и красиво предвыборной компанией обозвали. Усмехаюсь. А привыкай, Швецов. Это тебе не по-понятиям жить. Тут за «в морду» на завтра разгромная статья в интернете, а за воровство пары лямов, почёт и уважение. Если, конечно, не поймали. А если поймали, то про «своих» можешь забыть. Нету их. Даже если воровали вместе. Вот так. В большой политике своя мораль. Точнее, ее полное отсутствие.

Но и лезу я туда не коррупцию побеждать, а для того, чтобы одна скотина не села в депутатское кресло.

Оттягиваю галстук, делаю его свободнее. Душит сволочь... Ныряю рукой поглубже в красный мешок и достаю оттуда очередной сладкий подарок, встречаясь взглядом с маленькой девчушкой с огромным белым бантом на голове и белом платье, обшитом серебристой мишурой.

– А Машенька у нас снежинка, – комментирует ее костюм воспитательница.

В груди что-то дергает. Может быть потому, что эта девочка самая мелкая из всех. Три-четыре года. Не больше. А может, эти глазищи ее пронзительные голубые...

Малышка тянет руки к подарку.

– Машенька, а стихотворение? – останавливает ее воспитательница. – Давай, как учили. На первый снег взглянул щенок... Ну, Машенька...

Начинаю слышать голос женщины фоном, потому что меня неожиданно кидает сначала в жар, потом – в холод, а взгляд не может оторваться от небольшого родимого пятна на руке у ребёнка. Точно такого же, как у меня, в форме Италии на карте мира. Точно такого же, какое было у моего отца, деда, дядьки...

Совпадение? Да быть такого не может! Наши руки рядом. Пятна – тоже. Я зажмуриваясь, допуская, что это похмельный откат после вчерашней гулянки. Но нет... Кто? Я же без резинок – никогда! Какая дрянь посмела родить и не сказать мне? Да ещё и бросить?

– Я... я стишок забыла, – собирается зарыдать малышка, выводя меня из ступора.

От вида ее блестящих глаз в моей голове что-то щёлкает. Иррациональное. Даже безумное. Хочется на руки мелкую подхватить и без всяких стихов купить ей все, что пожелает!

– Ничего, не плачь... – говорю севшим голосом и, маши-

нально трепя ее по светлым косичкам, отдаю новогодний подарок.

Снежинка убегает. Я провожаю ее взглядом.

Она забирается на самый дальний стул в углу зала, открывает подарок, достает из него конфету и с жадностью запикивает ее в рот. Потом ещё одну. Картонная коробка рвётся под неловкими пальцами. Конфеты рассыпаются на пол, а меня накрывает пульсирующей в висках, неконтролируемой яростью. Мой ребёнок, здесь, в интернате? Если это правда... Убью.

– Продолжай... – Всовываю мешок с подарками помощнику и перехватываю воспитательницу за предплечье.

– Давайте отойдём, – вежливым тоном стараюсь снивелировать грубость действий, но получается плохо. Тяну женщину подальше от детей к окну.

– Что случилось, Александр Николаевич? – испуганно шепчет она и спотыкается, передвигая ногами.

Останавливаемся. Выдыхаю

– Эта девочка. Снежинка. Сирота? – киваю головой в направлении малышки.

– Нет, что вы, – волнуясь, мотает головой воспитательница. – У Машеньки есть мама. Прав не лишена. Просто... работает много... Здесь очень разные дети, но каждый со своей непростой ситуацией...

– Как зовут ее мать? – резко перебиваю.

– Эти вопросы вам лучше заведующей задать. Мы не име-

ем права разглашать личные данные, – отвечает женщина, разводя руками, а в следующую секунду мы вздрагиваем от резкого хлопка.

Моя рука машинально ложится на пояс. Рефлекс.

– Снова воздушный шар лопнули, – вздыхает воспитательница. – Вы меня извините, Александр Николаевич...

– Конечно, – киваю.

Она спешит к двум испугавшимся резкого звука малышам.

Я ещё раз кидаю взгляд на угол, где сидела снежинка. Ее там больше нет.

Выхожу из актового зала и, испытывая острую необходимость найти виноватого, направляюсь напрямик к заведующей интерната. Правду! Я хочу выяснить все прямо сейчас.

Кабинет нахожу чисто интуитивно и распахиваю дверь без стука.

Женщина подсакивает в кресле и опускает от уха телефонную трубку.

– Александр Николаевич, – смотрит на меня взволнованно. – Что-то случилось? Извините. Мне пришлось отлучиться, чтобы заказать продукты...

– Случилось, – рывкаю, впечатывая кулаки в стол и нависая. – Я хочу видеть личные дела всех детей младшей группы. Прямо сейчас!

Глава 2

Г – горошек

Варя

Он? Швецов? Сердце ухает в груди, как в колодце, пока мужчина, повернувшись ко мне спиной, выкладывает на кассовую ленту продукты.

Нет, Варя, успокойся. Быть этого не может. Что ему здесь после жирной Москвы делать? Знаю, что вышел из тюрьмы. Оправдали? Или по УДО? Господи, да какая разница! Сколько ты ещё будешь о нем вспоминать? По ночам просыпаться от ощущения, что он обнимает? Он жизнь твою сломал, дура ты этакая! А из своей выбросил, как очередную девку. Имя твоё забыл. Господи, забыл же, я надеюсь? Я сделала для этого все. Бросила учебу, сменила город...

Мужчина разворачивается ко мне лицом, и я выдыхаю. Нет, не ОН.

– Девушка, я вам ещё раз говорю, этот горошек по акции был, – нарываясь на скандал, к кассе возвращается бабулька и машет перед моим носом чеком, – два по цене одного.

– Девушка, ещё кассира позовите, сколько стоять можно! – несётся раздражённое из очереди.

– Да, конечно! – нажимаю на кнопку вызова сотрудника и возвращаю своё внимание бабульке с горошком. – Мне очень

жаль, но вы ошиблись, – говорю ей мягко. Акция уже закончилась. Я могу отменить одну банку...

– Но мне нужно две! – восклицает бабулька. – Завтра дети придут, я оливье обещала, и на Новый год поставить в холодильник.

Телефон в кармане вздрагивает вибрацией. Нет ни малейшего шанса ответить при покупателях. Иначе меня вообще растерзают, а после Эллы сожрет. И вот этим горошком меня заправит.

– Верните деньги, – напирает бабулька, явно не собираясь уходить. – Или позовите администратора.

– Да, да, – возмущаются люди, – давайте администратора. Пусть придёт и за кассу сядет.

Обреченно вздыхаю и жестом подзываю охранника.

– Дядь Паш, Эллу Кирилловну, позови, пожалуйста...

Он достаёт из-за пояса рацию.

В моем кармане снова звонит телефон.

Успеваю отпустить пару человек до того момента, как ко мне подходит администратор. Я узнаю ее, даже не глядя, по запаху яблочных сигарет.

– Ну что тут у тебя снова снова случилось, Трофимова?

Моя бабка тут же активизируется.

– А вот она, – указывает костлявым пальцем в мою сторону, – пробила мне две банки горошка, вместо одной, и деньги возвращать отказывается!

– Варвара? – дергается вверх бровь Эллы. – В чем вопрос?

– Акция ещё вчера закончилась, – отвечаю, слыша, как голос дрожит. Если сейчас верну деньги, то это ещё восемьдесят рублей недостачи на нашу смену. Господи, не Новый год, а обдираловка какая-то! Ничего не успеваем! – Там, наверное, девочки ценники не поменяли. Я же никак по кассе провести не могу...

– Проведи, – Элла проводит пропуском через кассу. – Чек верни. И как закончишь смену, ко мне зайди.

Резко разворачивается и, стуча каблуками, направляется в кабинет. Конечно, ей легко чеки отменять, а мы уже почти на десять тысяч «залетели».

– Ваши деньги, – кладу бабушке ее отвоёванные. – С наступающим...

– То-то же, – фыркает она.

Закусив губу, чтобы не заплакать, отворачиваюсь и продолжаю пробивать продукты. В голове крутится простейшая математика. Десять тысяч на четверых это минус две с половиной. Это минус что? Нет, куклу Машуне я просто не смогу не купить. Она ее пол года просит. Значит, снова минус парикмахерская и сапоги. Ладно, волосы я уже приловчилась заплетать в хвост и пучок, а вот сапоги... это так и зима закончится. Почти первый месяц прошёл.

Телефон снова вибрирует. Я незаметно достаю его из кармана, чтобы посмотреть, кто звонит и, увидев на экране имя тетки, окончательно теряю покой. Что там у них случилось? Смотрю на часы. Смены пол часа осталось, а потом я обеща-

ла успеть на праздник. Мышка ждёт... Господи, только почему тетя Ира три раза звонила?

Досиживаю свою смену до двенадцати и закрываю кассу.

– Это последний, – оповещаю очередь, – остальные перейдёте, пожалуйста, на соседнюю кассу.

По очереди прокатывается возмущённый ропот.

Мою коллегу Алё тоже прессуют за неправильный ценник на блинчиках. Оставляю попытку с ней попрощаться и мысленно вычитаю из зарплаты ещё сто рублей. Это так и до минималки можно докатиться. Имея огромное желание высказать девочкам товароведкам все, что о них думаю, иду в кабинет Эллы и мысленно прикидываю время до начала утренника.

Стучу в дверь, захожу и просто в полном шоке наблюдаю, как администратор раздаёт девочкам новые бланки переоценки

– Ну что застыла, Трофимова? – ухмыляется. – Помогай подружкам, а то до завтра всю зарплату на возвраты спустишь.

– Я не могу, – мотаю головой. – Я с ночной смены на кассе сижу, дочке обещала на праздник успеть, не обедала ещё...

– Трофимова, ну а кто это делать будет? – требовательно смотрит на меня Элла.

– Но у меня смена закончилась, какое ко мне это теперь отношение имеет? – слабо пытаюсь протестовать.

– На, почитай, – администратор поднимает со стола и про-

тягивает мне лист А4, – ознакомься. В декабре не достача будет братья общая и делиться на всех.

– Но...

– Ты всегда можешь уволиться, Трофимова, – усмехается Элла. – У нас в городе полно других рабочих мест.

– Девочки, ну чего вы молчите? – психуя, смотрю на коллег. – Ну это действительно ненормально менять цены раз в сутки!

– Пошли, Варь, а что делать, – утягивают они меня к выходу из кабинета.

Плетусь следом.

– Я сейчас вас догоню, – обещаю, останавливаясь в коридоре, чтобы набрать тетку.

Не знаю, как сказать, что на праздник не приду. Но и ценники эти чертовы не могу не вешать. Это какой-то кошмар! Прислоняюсь спиной к стене и несколько раз бьюсь об неё затылком. В груди горько и хочется поплакать. Желательно на плече у феи-крестной, ибо мужчине я уже один раз в своей жизни поплакала. Аж на целую Машку... Нет, тогда, конечно не до слез было. Швецов душу из меня профессионально по постели размазывал. Из полымя в огонь окунул и до тла сжёг. Слова красивые говорил, ухаживал красиво, маме помог... А потом просто денег кинул. Много. Обещал ещё больше. Хотел, чтобы я на зоне его постель грела! Но я взяла. Я не гордая. Да и куда уж тут до гордости! Без них мы бы с Машкой не выжили. А к нему не пошла... за ребёнка

было страшно.

Супер, Варя, просто отлично! Отец дочери – зэк, она скоро вообще забудет с этой работой, как ты выглядишь, живет в казенном доме, как сирота. Ты вместо светлого медицинского будущего продукты на кассе «пикаешь», но продолжаешь думать о мужике. Да, пусть и единственном в жизни. Кусаю губы почти до крови, чтобы не заплакать и нажимаю дозвон на экране телефона.

– Алло, – раздаётся в трубке голос тетки. – Варвара, колготки Маше новые купи. Эти белые она компотом облила...

– Я не успеваю на праздник, тетя Ир, – говорю. Голос срыгается. – Я сразу после ее заберу.

– Варя, – ахает женщина, – да ты что, она же тебя ждёт.

– Работа. Извините, я скоро буду, – отвечаю запальчиво и сбрасываю звонок.

Стираю со щёк слёзы и иду в подсобку, чтобы взять перчатки с курткой. Иначе в холодильнике можно околеть. Замечаю на столе остатки бутербродов и ворую один. Ничего особенного. Батон, масло, шпроты, но на голодный желудок сочетание кажется нереальным блаженством. Только пить сразу хочется. Беру свою кружку с остатками воды, делаю глоток и... тут же выдаю жидкость фонтаном обратно. Водка! Это не вода! Фу! Зачем они брали мою кружку?

Все-таки высказав девочкам, что о них думаю, помогаю развешивать ценники. Задерживаюсь почти на четыре часа и вылетаю из магазина при первой же возможности.

Пока жду маршрутку, тетя Ира снова начинает обрывать мне телефон. Хотя аккумулятор и мигает красным, принимаю звонок.

– Да...

– Варвара, срочно приезжай, – испуганным голосом шепчет мне из динамика тётка. – Тут люди серьезные на праздник приезжали, личные дела детей смотрели. Машей интересовались. Может, забрать хотят...

– Я уже еду! – кричу в трубку. Сердце начинает колотиться, как сумасшедшее. Как-то забрать? Куда? Конечно, дочка у меня красавица, любого может обаять, но вот так просто «забрать»?

И только в маршрутке я соображаю, что Маши даже в списках детей нет. Как можно забрать того, кого официально нет?

Спешу по снежной дороге к интернату от остановки, уже практически окончательно успокоившись. Ну максимум, что нам с Машкой грозит, это – что заведующая после проверок, запретит нам ходить. Неприятно, но не смертельно. Будем искать круглосуточный сад.

Заворачиваю за угол и боковым зрением вижу, как возле бордюра тормозит большой чёрный внедорожник. Его двери синхронно распахиваются. Ощущая от вышедших из него людей агрессию, ускоряю шаг. И неожиданно оказываюсь захваченной и стиснутой между двумя мускулистыми, мужскими телами.

– Что? Помог... – собираюсь я закричать, но вдруг чувствую, как что-то недвусмысленно утыкается мне в бок.

– Заорёшь – шмальну, – предупреждает меня бородатый мужик. – Давай, быстро в машину.

– Меня дочка ждёт... – говорю одними губами. – Отпустите. У неё больше нет никого, пожалуйста... Вы кто?

– В машине узнаёшь «кто», – рычит мужик и, молниеносно заломив мне запястье, так что я на мгновение теряю ориентацию в пространстве от боли, толкает меня в машину.

Глава 3

Девочка...

Швец

Ее грубо заталкивают в машину. На мгновение меня держит этот факт, потому что я очень хорошо помню, на сколько у неё нежная кожа. Сожмёшь чуть крепче – сразу синяки. Она ходила помеченная отпечатками моих пальцев на бёдрах. Я обновлял их дважды в день, хоть и старался быть нежнее, терпеливее. С ней этого хотелось... с ней жить хотелось!

Дрянь...

Отворачиваюсь к окну, потому что сносит в разрушительные эмоции. Я думал что забыл. Обрывистые, бредовые сны с ее участием. Когда, лёжа на нарах с сотрясением, с удовольствием отключался от боли в бессознательное и знал, что там будет она. Целый калейдоскоп образов и деталей! Тонкие серебряные колечки на пальцах, гвоздики-сережки в ушах, светлый локон волос на шее, губы в шоколаде. Мягкие девичьи формы, трусики с котятами, шрам от аппендицита, ямочки на пояснице... да, особенно с идеальным прогибом спины, когда брал ее сзади. И как она смешно чихала от сигаретного дыма. Сука! Я до сих пор помню все! Особенно как хотел, чтобы она не досталась никому, раз не моя. Я бы мог это устроить даже из СИЗО. Одно слово... Представлял,

как ее касается другой мужик и стервенел. Не знаю, что меня тогда остановило, но точно не здравый смысл. Скорее то, что эта девчонка заставляла меня чувствовать себя живым, и жалость... к ее матери. Она бы не пережила.

Сколько женщин у меня было после? Я потерял им счёт, не помню лиц, а имён никогда не спрашивал. Отпустило месяца через три, когда мне сообщили, что Варвара уехала из города. Я не стал узнавать куда. С теми бабками, что она взяла, можно было куда угодно!

Сука! Она, оказывается, уехала с моим ребёнком! Дочерью! Не верю, что не знала. И, как ненужного котёнка сдала ее в интернат через тетку-повариху!

Медленно поворачиваю голову, встречаясь с Варварой глазами, и с удовольствием вижу в ее животный страх.

– Ты?! – истерично дыша, она вжимается в сиденье и бледнеет.

– Не ждала? – усмехаюсь. – Наверное, и забыла?

Пару секунд смотрю, как ее колотит. Страшно тебе? Правильно. Так и должно быть.

– Нет, – вдруг зажав рот пальцами, она начинает мотать головой. – Нет, нет! Нет, пожалуйста, уезжай! – ее речь переходит в истерику.

– Хватит, – рывкаю и, не сдержавшись, перехватываю ее за воротник пальто. Встряхиваю.

Икнув, замирает. До меня только сейчас доходит, что я сразу узнал в малышке эти голубые глаза. Один в один... Те-

ло пробирает дрожь. Делаю глубокий вдох, чтобы успокоиться, и вдруг уловив знакомый запах алкоголя, веду носом по губам Варвары.

– Дыхни...

Мотает головой.

– Так, ясно, – со злой силой отшвыриваю ее обратно в противоположную дверь и сжимаю зубы.

Когда это происходит? В какой момент маленькие девочки превращаются в сук?

Хочется курить. Достая пачку и кручу ее в руках, так и не решаясь при Варваре. Пауза затягивается... Смотрю в окно, как охрана поднимает воротники. Минус крепчает, и начинает идти снег.

На мгновение перед глазами вспыхивает картинка, как мы с Варварой также сидим в машине. У меня через час самолёт. Она ест рафаэлло, кажется, вторую упаковку, и лежит на моем плече. Ее волосы влажные, потому что любит бегать без шапки. За окнами валит хлопьями. Большими, пушистыми...

Выкинуть бы ее сейчас из тачки и пусть шурует, туда откуда пришла! Просто забрать ребёнка без всяких разговоров! Но так, наверное, слишком жестоко. Мать – это мать. Какой бы не была, ребёнок ее ждёт.

– Я видел свою дочь, – говорю тяжело и хрипло. – Мне наплевать, где и с кем ты провела эту ночь, но с сегодняшнего дня ты будешь круглосуточно находиться с ребёнком. Пе-

реедешь ко мне в дом вместе с девочкой и займёшься поиском няни. Всех кого выберешь, отсмотрю лично. После того, как дочь привыкнет на новом месте, напишешь отказ от родительских прав. Я удочерю. Все...

Оборачиваюсь на Варвару, чтобы услышать ответ. Она молчит, расфокусированно глядя прямо перед собой.

– С чего ты решил, что она твоя? – она вдруг оборачивается, оскаливаясь в улыбке. – У меня после тебя было много мужчин. Я сама не помню от кого забеременнела, – Добавляет с вызовом.

В моей голове от этих слов взрыв. Нет, я никогда в жизни не бил женщин, разве что по заднице в качестве сексуальной игры, но сейчас мысленно делаю это. Бью Варвару наотмашь. С остервенелым удовлетворением. Будто в реальном времени вижу, как взлетают ее волосы, краснеет щека, из разбитой губы идёт тонкая струйка крови... А из глаз брызгают слёзы. За эти слёзы пять лет назад я бы закопал живьём любого.

– Ты цела сейчас только потому, что тебя ждёт наша дочь, – хриплю. – Иди и приведи ее. В твоих интересах сделать так, чтобы она меня не боялась. Все ясно?

Прикрыв глаза, кивает.

Открываю дверь машины. К ней сразу подбегает охрана.

– Александр Николаевич?

– Девушку сопроводите до интерната и обратно, – отрывисто отдаю распоряжение. – Отвечаете за неё головой. Ты поняла? – перевожу давящий взгляд на Варвару. – Забира-

ешь ребёнка, приводишь в машину. И давай без фокусов. Все равно найду.

Она выходит из машины, обхватив себя за плечи. Идёт неуверенно. Смотрю в след, прикуривая сигарету. Жадно затягиваюсь. Только бросать собрался. На легкие перешёл. Бросишь тут...как же.

Сжимаю-разжимаю левую руку от неожиданно острой боли в груди. Пальцы немеют. Я понимаю, что не могу дышаться. Не отпускает.

Выбрасываю сигарету и откидываюсь на сиденье в попытке расслабиться.

Что же ты натворила, девочка... Ведь у нас с тобой могло быть все иначе. Да. Как у людей... По крайней мере у тебя. Я бы все сделал...

Глава 4

Швецов...

Варя

Это ад? Я горю? Мамочки, за что? Мне хочется нырнуть головой в снег, чтобы хоть как-то успокоиться. Оказывается, истерика может быть тихой. Иду и ничего перед собой не вижу. Колени трясутся, падаю на раскатанном ледяном острове, больно бьюсь коленом и наконец-то начинаю рыдать. Господи, он действительно подумает, что я алкоголичка! Да какая разница, что он подумает?! Если Швецов что-то решил, то он не даст возможности оправдаться.

– Вставайте... – меня неласково дёргают вверх мужские руки.

– Спасибо, – говорю машинально тому самому мужчине, который ещё совсем недавно угрожал мне оружием.

Сейчас ни с кем из них не стоит ругаться. Ради дочери. Ради того, чтобы остаться в ее жизни.

Я знала, что Швецов может быть жестоким, циничным и принципиальным. Он всегда принимал решения круто и не сворачивал с пути. Он и меня взял самым обычным измором. Харизмой, властностью, помощью, своей тотальностью и тем, что стал первым и единственным мужчиной. Я сама не заметила, как заболела им. Это была даже не любовь. Я про-

сто смотрела ему в рот. Могла, как кошка сидеть в углу его кабинета и готовиться к экзаменам, пока он работал. Он же был прохладным и снисходительным, но меня это несколько не беспокоило. То, как жадно он любил меня в постели говорило больше слов.

Все рухнуло в тот день, когда его арестовали по обвинению в убийстве. Я до сих пор не поняла кого. Наш с мамой дом перевернули вверх дном. Сломали даже деревянные полы.

Ее ещё не оправившийся после операции на почки организм снова дал сбой. Только уже осложнением на сердце. Меня разрывали между больницей и допросами.

Я не хотела верить, что девушки, сидящие со мной в коридоре возле кабинета следователя, имеют к Швецову такое же отношение, как и я. Это было больно. До жара, тремора и тахикардии. А когда от духов одной из них меня просто стошнило в туалете, я поняла, что беременна. Машкой...

Человек Швецова заходит в здание интерната вместе со мной. Охранник пропускает его безропотно. По разносящимся запахам и шуму на первом этаже, я понимаю, что у детей ужин. Желудок сводит.

Поднимаюсь на второй этаж в младшую группу и оглядываюсь на своего конвойного.

– Подождите здесь, пожалуйста, – стараюсь звучать твёрдо, но голос предаёт и ломается.

Мужчина, просканировав меня тяжёлым взглядом, кива-

ет.

– Не задерживайтесь. Александр Николаевич не любит ждать.

Открываю дверь и быстро забегаю в раздевалку. Трясёт. Но ради дочери нужно взять себя в руки.

– Мамочка! – Дочка вылетает из комнаты, сбивая меня с ног. Утыкается носом мне в бедро и обижено сопит. – Ты не пришла... А я стишок забыла и конфеты потеряла.

Присаживаюсь к ней и заглядываю в глаза.

– Машунь, прости. Мама работала...

– Не работай... У тебя плохая работа, – ее губешки начинают дрожать.

– Мышенька, – обнимая ее, целую в нежную щечку. – Ты же знаешь, что это не возможно. Кто маме тогда денежки даст?

– Почтальон, – упрямо и обижено. – Тете Кате нашей соседке носит почтальон.

– Он только совсем стареньким, как тетя Катя носит, малышка...

Дверь за моей спиной открывается. Я вздрагиваю, выпрямляясь в полный рост, и оборачиваюсь.

– Господи, Варя, наконец-то! – тётка заходит в группу, гремя вёдрами с кашей и рыбными котлетами.

Ставит их на лавку, с опаской оглядываясь на дверь, за которой стоит человек Швецова.

– Иди одевайся, – отправляет Машу в группу, и когда дочь

убегает, дергает меня подальше от входа за детские шкафчики. – Варя! Это какой-то ужас! Что это за люди?! Заведующая а панике. Боится расследования теперь служебного, – шепчет испуганно. – Пригрозила меня уволить, если ты ещё раз Марию приведёшь! Ой, так кричала! Какой-то депутат перевернул ей весь кабинет, пока из медкомнаты карту не принесли. Личного то дела нет, а я как раз на фруктовой базе была. Два ящика яблок не довезли нам сегодня. Старшие без полдника остались. На одном кефире... Сейчас, – тетя Ира суетливо залазит рукой в карман белого халата и достаёт оттуда кусочек записки, – я фамилию это ирода записала. Швецов, – зачитывает, прищуриваясь, и поднимает на меня глаза. – Знаешь такого?

Киваю, закусывая губы. Главное – сейчас не зарыдать.

– Это Машин отец... – отвечаю шепотом.

Глава 5

Подружка для Бо

Швец

Стараюсь не смотреть на них, но взгляд возвращается, как приклеенный. Я даже не могу адекватно ответить, в ком больше дело – в Варваре или в дочери.

Дочери... Просто охренеть! Мысль, что эта девчушка наполовину я, не укладывается в голове. Зато очень легко и быстро в груди появляется болезненно-приятное ощущение облегчения. Я больше не один. Даже если завтра сдохну, эта мелкая будет расти. С ней все будет хорошо. Теперь – точно.

Марья сидит, преданно вжавшись в бок матери, и периодически бросает на меня настороженные взгляды. Как у тебя сил то хватило отдать ребёнка чужим людям? Ммм, маленькая? Посмотри, как она к тебе льнет...

Неосознанно, я называю Варвару в своих мыслях, как раньше. Она всегда была для меня «маленькой». Я даже первое время обламывался переходить с ней в форматы серьезнее ресторанных встреч и поцелуев. От них сдержаться не мог.

Да, черт, вообще эти отношения тогда не нужно было начинать! Но как было остановится, когда девочка такая манкая? Я сразу понял, как только ее увидел, что под скромны-

ми свитером и джинсами меня ждёт пир из женских прелестей и чистых эмоций. Так и вышло.

Кстати, справедливости ради, надо сказать, что наш первый секс эта скромница спровоцировала сама. Просто пришла ко мне в кабинет, сняла платье и попросила ее взять. Правда, она тогда ещё попросила больше не трогать других женщин. Почувствовала? Был за мной этот грешок... Но после нашей ночи я честно всех устранил. В том числе ради чистоты. Потому что любил с Варей побаловаться без резинок. Не до конца, а так, ради ощущений. Только начать... Добаловался.

Признавать это сложно, но сейчас Варвара стала ещё красивее. Взрослее, да... Нервной, уставшей, но... мать твою! Мне так даже больше нравится. По крайней мере, хоть немного сравнялся возраст. Шестнадцать лет – это все-таки большая разница. Сколько ей сейчас? Двадцать четыре? Маленькая...

– Мы хотя бы можем заехать домой и собрать вещи? – нервно интересуется она.

Отрицательно качаю головой.

– Нет. Список напишешь. Ключи дашь, все привезут, – отвечаю невозмутимо.

– Но там вещи! – всплескивает Варвара руками. – Личные, женские, понимаешь? Особенно, если мы на долго...

– Нет, – отвечаю, глядя ей в глаза. Подавляю. Но она не отводит взгляда. Раньше три секунды было пределом. Стала

смелой?

– Игрушки, вещи Маши... – поджигает дрожащие губы. – Это половину квартиры надо вывезти.

– Квартира ПОКА тебе не понадобится, – отвечаю, выделяя интонацией слово. – Все, что будет нужно, я куплю или привезу.

– Нам ничего от тебя не надо! – фыркает.

Выдыхаю, чтобы сейчас не сорваться. Потому что на самом деле настоящей жести совершенно не хочу. Устал я от неё. И в целом, наверное, если увижу, что Варвара хорошо справляется с обязанностями матери, то устранять ее не буду. Но пока пусть боится. Во избежание истерик и потери контроля поведения.

Марья смотрит на меня большими круглыми глазищами и прячет нос в каком-то зайце странного цвета, сшитом из лоскутков. Жуткий уродец. Шуршит. Вместо глаз нитки-стежки крест на крест. Я в своём детстве если бы увидел такого в кровати, в штаны бы наложил. Неужели нельзя было купить дочери нормальную игрушку?!

Злость накатывает на меня новым приливом. У моей дочери должны быть самые лучшие игрушки!

– Ты где-то работаешь? – Спрашиваю Варю хмуро.

– Кассиром в супермаркете, – вздёргивает она подбородок.

Этот ответ меня откровенно удивляет.

– А что, – усмехаясь, развожу руками, – другой должно-

сти для человека со средним медицинским образованием не нашлось?

– А как показала практика, – с вызовом отзывается Варвара, – едят и пьют люди больше, чем пользуются услугами медсестры. Потому и зарплаты там почти в два раза выше.

Сами того не замечая, мы с ней переходим на повышенные тона.

– Я домой хочу, – вдруг всхлипывает Марья и начинает дергать мать за рукав. – Мамочка, поехали домой. Бо тоже хочет домой...

– Машунь, я же тебе говорила, что дома у нас водичка потекла... – мягко начинает ворковать ей в ответ Варя.

– Ты всегда так говоришь! – девчушка с досадой бьёт игрушкой по коленкам. – То холодно, то водички нет..

Чего? От детских откровений становится нечем дышать. Это сколько она реально в интернате времени проводит?! И что значит «водички нет»?

– Малыш, ну что поделать, – продолжает Варя, понижая голос. – Дядя Саша разрешил нам зато у него дома пожить. Он у него очень большой и красивый. Ты же хотела приключение...

– И тёплый, – говорю, не скрывая едкости в голосе. – И водичка есть.

Варя кидает на меня взгляд полный ненависти. Нет, ну нормально? Сама ребёнку такие условия создала, а виноват я? Конечно, Марья домой хочет! Я в свою хрущевку к бабке

после школы так бежал, что пятки сверкали. Но моей бабке тогда уже семьдесят было. И время такое, что...

– А хочешь, мы твоему, – запинаясь, вспоминая имя уша-
стого уродца, – твоему Бо подружку купим?

Чуть наклоняюсь к Маше.

– Мм?

– Нет... – отвечает она тихо и отрицательно качает голо-
вой.

– Да, мы же с тобой уже у дедушки Мороза подружку для
Бо попросили да, – нарочито бодрым голосом подхватывает
Варвара.

– Я подарок хочу, – неожиданно выдаёт Марья. – Тот, с
киндером... Он упал, – морщит нос и вытирает его ладо-
шкой. – У вас ещё в мешке остались?

– Маша, – одергивает строго ее Варя. – Я потом куплю
тебе киндер.

Опускаю пассажирскую перегородку, зажимая кнопку на
панели.

– Семён, – говорю своему водителю, – маршрут изменил-
ся. Едем не домой, а в торговый центр. И ещё Тараса набери.
Скажи, чтобы сам там перед «Газ-инвестом» сегодня отду-
вался. У меня форс-мажор...

Глава 6

Принцессы и Единорог

Швец

Новогодняя иллюминация торгового центра бьет по глазам. Ёлки, распродажи, акции, разноцветные шары, гирлянды и рождественские мелодии, пробивающиеся сквозь гул толпы. Раздражающее действо.

– Там мишка белый! На барабане играет! – восклицает Марья и дёргает Варвару за рукав, – пойдем, пойдём посмотрим!

– Беги, я догоню, – отпускает она ее и резко разворачивается ко мне лицом. – Не нужно ее покупать. Ясно? – глаза вспыхивают гневом, ноздри подрагивают.

– Ты ничего не попутала? – Спрашиваю ее низким шёпотом. – Я сам решу что и когда купить своей дочери.

– Ты думаешь, я не знаю, что ты можешь завалить ее игрушками с головой, Швецов? – пылит она. – Я испытала это на себе. Думала, что ты так чувства выражаешь... – начинает дрожать ее голос. – а ты! – Сделав вдох, Варвара осекается. – А ты просто откупаешься. Ах, какой замечательный!

– Рот закрыла сейчас, – рявкаю и притягиваю ее к себе плотную, рванув за предплечье. – Что-то ты ни разу не отказалась. М? От подарков. И от денег...

– Если бы я могла, я бы все вернула, – отвечает она мне тоном оскорбленной королевы.

– Вот и возвращай, – шиплю с угрозой. – Занимайся дочерью, пока разрешаю.

Вижу боковым зрением, как правая ладонь Вари приходит в движение и резко дергается вверх. Перехватываю ее возле своей щеки.

– Не вздумай, – отрицательно качаю головой.

– А то что? – оскаливается. – Дочери лишишь?

– Пожалеешь... – качаю головой.

– Пусти, – всхлипывает Варвара и дергает рукой. – Больно...

– Там мишек дарят, – подбегает к нам Марья с горящими, счастливыми глазами, – во! Размахивает рекламным проспектом. – Мне бумажку дали. Мам... – переключается на Варвару. – Мы же пойдём за мишкой... Ну пожалуйста...

– Ненавижу тебя, – одними губами говорит мне Варя. Выдёргивает руку и поворачивается к дочери. – Ну-ка покажи, что там за бумажка...

Рассматривает акцию детского магазина, где при покупке тюбинга или снежоката действительно дарят в подарок плюшевую игрушку.

– Машунь... – начинает виновато.

Выхватываю у неё из рук проспект.

– Конечно пойдём, – подмигиваю ребёнку, – только если покажешь, где магазин.

Смутившись, Марья снова вжимается в бок матери. Я вижу, как сильно ей хочется пойти за мишкой, но без слова Вари она не решается.

– Там же киндер купим, – подпитываю я детскую фантазию.

– Мамочка, можно? – заглядывает Варваре она в глаза. – А то мишек разберут... – начинает дрожать слезами голосок.

– Ну хорошо, – я сдаётся Варя.

Панорамный лифт отвозит нас на самый верхний этаж торгового центра. И, в принципе, становится сразу понятно, куда так сильно спешит весь народ. Продуктовый, салоны техники и детские магазины. Делаю у себя в голове пометку, что если все сложится, и я задержусь в этом городе, то вполне можно будет вложиться в подобный бизнес.

– Сделайте нам в лучшем виде, – подаю я рекламный проспект продавцу-консультанту.

– Для девочки? – уточняет она.

– Конечно, – киваю.

Варя жжет меня осуждающим взглядом и, как только дочь убегает вглубь магазина, снова срывается.

– Зачем ей снежокат? Где она будет на нем кататься? Где я его буду хранить?

– Марья в квартиру не вернётся, – отвечаю жестко. – Перевари уже эту мысль и прекрати истерику. А рядом с моим домом есть прекрасный лес. Там можно и лыжи, и снежокат попробовать. Ты бы, кстати, делом занялась, пошла бы купи-

ла дочери вещи которые нужны на первое время, – рывком подкатываю тележку и всовываю ей в руки.

Варвара резко уходит с ней к стеллажам с одеждой, а я на всякий случай подхожу к дочери. Просто потому что не верю, что ее мать не предпримет попытку сбежать.

Марья крутится между вешалок с цветными пуховиками. Один серебристый с единорогами явно нравится ей больше всех.

Тяжело вздыхает и, заметив меня, резко отдергивает от пуховика руки, пряча их за спину.

– Нравится? – интересуюсь.

Кивает.

– Мама мне купит на следующий год, – говорит с гордостью.

– Давай сейчас купим, – предлагаю ей снимая пуховик со стойки.

– А сейчас дорого, – опускает глаза Марья. – Скидочки нет.

– Это не страшно, – говорю ей с улыбкой. – Ну так что? Берём? Давай померим.

– А киндер тогда не купим? – тихо спрашивает она.

– Почему? – искренне удивляюсь, не понимая, как в ее голове связаны эти два факта. – Купим. И киндер, и мишку заберём.

– Тогда хорошо, – вспыхивают ее глаза.

– Ну пойдём на кассу? – подаю я ей руку.

С осторожной заминкой, но Марья все-таки достаивает меня чести своей ладошки.

Почувствовав ее, цепенею. И боюсь сжать. Сердце начинает лупить в груди.

Продавщицы смотрят на нашу пару с нескрываемым интересом и умилением. Молоденькие кассирши пытаются открыто флиртовать со мной через Марью, отвечивая ей комплименты. Вручают медведя, пробивают снежок. Интересуются, где же мы обычно гуляем. Осекаются, увидев подошедшую к нам Варю.

– Что это? – она шокировано смотрит на пуховик и сладости.

У самой в корзине все очень скромно. Пачка трусов, колготки, пижама, две футболки и простое платье.

– Потом поговорим, – отвечаю ей, предупреждая понижая интонацию.

Марья, уловив настроение матери, настороженно затихает и перестает мне улыбаться, забирая ладошку.

Хочется за это рывкнуть на Варвару, но я знаю способ, как поставить ее на место иначе.

Забираем пакеты и выходим из детского магазина.

– Теперь ты, – говорю Варе тоном, не подразумевающим споров и киваю головой на магазин нижнего белья. – Вперёд.

– Нет, – цедит сквозь зубы она. Больше эмоций просто не позволяет присутствие Марьи. – Я обойдусь. Привезу из дом. Но при тебе не стану...

– Не зли меня, – качаю головой.

– Ненавижу тебя, – снова читаю по ее губам.

– Ты повторяешься, – усмехаюсь в ответ.

Подхватив дочь за руку и оставив меня с пакетами и снегокатом, Варвара уходит в магазин белья.

Набираю водителя и прошу подняться за пакетами. Не хочу оставлять девочек одних, да и шоу предстоит слишком заманчивое.

Глава 7

Эмоциональные якоря

Варя

Стыд жжет щеки. Пытаюсь трясущимися пальцами отыскать среди вешалок с комплектами белья свой размер.

Если бы я только тогда знала, если бы имела хоть какой-то опыт с мужчинами... никогда и ни копейки у него бы не взяла! И спасти бы его не стала. Да, пусть бы так и лежал в той чертовой бане! С пробитой головой, в крови и крабовым салатом вместо мозгов. Я тогда ещё удивлялась, это что же так можно было не поделить и сколько выпить, чтобы начать друг другу о головы салатники стеклянные разбивать?! А сейчас бы сама с огромным удовольствием добавила. Ух! Как размахнулась бы и по черепушке, да чтобы наверняка.

Наглый, зарвавшийся хам! Извращенец! Мужлан! Неужели мне когда-то нравилась его сила? О, да у меня просто колени от нее дрожали! Казалось, что я ощущаю его присутствие каждым волоском на теле, каждой мурашечкой!

– А как мне мишку назвать? – толкает меня в бок Марья.

– Миша, – машинально предлагаю я ей самый очевидный вариант.

– Неееет, – тянет, разглядывая его. – Он не Миша. Он – Саша.

– Почему? – дёргаюсь я от этого имени и прикусываю язык, чтобы резко не высказаться по поводу отвратительности этого имени.

– Потому что он на дядю Сашу похож, – заключает дочь. – Большой и тёплый... – сбегает к небольшому диванчику, где уже сидит Бо, и забирается на него с ногами.

Я чувствую, как к глазам подкатывают непрошенные слёзы обиды. Вот как это у детей работает? Почему? Знает его чуть больше часа, а уже ходит за руку и игрушки именем называет. А что будет, когда увидит дом? О, я уверена, что он огромен и прекрасен. Швецов никогда не отказывал себе в роскоши. Он даже в квартире, где жил, умудрился установить настоящий камин и организовать спортзал.

Конечно, можно сейчас подойти к дочери и по большому секрету рассказать, что на самом деле дядя Саша – это Бармалей. Что очень плохой и хочет нас разлучить. Забрать ее в Африку. Что с ним ни в коем случае нельзя дружить или принимать подарков...

Только зачем? Что это изменит? А если и изменит, то точно не в лучшую сторону. Ибо Швецов, раз уж узнал, от прав на дочь не отступится. Не по понятиям. Но не понимая устройства детской психики и потерпев неудачу в попытке сближения в первый раз, вряд ли будет пытаться наладить контакт снова. Так зачем лишать ребёнка пусть своеобразного, но равнодушного к ней человека? Отца. А если я заболею? Ну вот просто что-то случится? Я не железная, в конце

концов!

Да и повергать Марию в состояние перманентного страха и шока... Ведь она больше всего на свете боится, что я за ней не приду! Что ее у меня кто-то отберёт. Детям то в группе рот не заткнешь. Все понимают, разговоры взрослых ловят, на каком-то своём «тарабарском» переживают, обсуждают... Я когда впервые услышала эти мысли сквозь Машкины рыдания, чуть не поседела. Хотела перевести в обычный круглосуточный сад, но оказалось, что в городе таких нет. Точнее есть, но только за деньги или для детей государственных служащих с предоставлением графика.

Я хочу видеть на лице дочери счастливую улыбку, вот как сейчас. Тот кто скажет, что счастье не купишь за деньги, просто никогда по-настоящему в них не нуждался. Конечно, если ты говно-человек, то купить любовь ребёнка они не помогут, но говном Швецов никогда не был. Сволочью – да. Иногда жестокой, но всегда справедливой. Потому, я очень надеюсь, что если не буду мешать его сближению с дочерью, он тоже пойдёт мне на встречу. Ради Марьи. А если нет... то взорвать эту бомбу будет никогда не поздно.

– Давайте я вам помогу, – ко мне подходит улыбчивая девушка-консультант и ловко находит мой размер. – Померьте ещё обязательно этот, – подаёт мне вешалку с соседнего стеллажа, – и этот, – всовывает в руки какое-то совершенно нереальное белоснежное кружево, которое я бы никогда сама не взяла.

– Спасибо, – киваю ей. – Машунь, – окликаю дочь, – не балуйся. Просто посиди. Я в примерочную быстро.

Кивает, даже не поднимая глаз от игрушек.

Захожу за занавеску, снимаю верхнюю одежду и... обес-силено прислоняюсь лбом к зеркалу. Плечи начинает знобить. Нет. Не могу раздеться. Я думала, что смогу сделать вид, что меня это совсем не трогает, да и, в конце концов, не голой же ходить, раз в дорогие тряпки одевают, но нет... Циничность не рождается.

Зато в груди непрошено появляется тот забытый трепет от мужской принадлежности и власти. От ожидания. Когда, встретившись с тобой в людном месте он просто спрашивает: «Какой цвет?» Ты отвечаешь: «Красный»... И горишь потом от его взгляда весь вечер. Будто голая...

Это нельзя контролировать. Это как эмоциональный якорь. Возможно, он бы прошёл, если бы в моей жизни случился другой мужчина, но мне просто подумать об этом было некогда.

Шторка за спиной отодвигается. Даже с закрытыми глазами я знаю, что это Швецов. Его пальцы скользят по моему позвоночнику от шеи до копчика. Тело моментально отзывается. Бедрa сводит.

– Не трогай меня, – говорю ему надрывным громким шёпотом. Разворачиваюсь и подаю ему белье небрежной кучей. – Можешь оплачивать и заодно запоминать цвета. Хочешь, чтобы я, как раньше была твоей до самых трусов? Так

это лишнее. Марья – это мой ошейник и поводок. Думаю, ты прекрасно умеешь ими пользоваться. Я понятия не имею, с чего ты решил, что я плохая мать, но я не такая!

Швецов окидывает меня тяжёлым, нечитаемым взглядом. Молчит. Я замечаю, как ходят желваки на его скулах. Ну давай! Скажи уже!

– Что-нибудь выбрали? – к нам совершенно не вовремя подходит консультант. Почувствовав напряжение, девушка тушует. – Ну, если что, то вы всегда можете меня позвать...

Она уже собирается сбежать, но Швецов ее тормозит.

– Постойте, – рявкает. – Пробивайте. Добавьте халат и пижаму. – Всовывает ей в руки белье и отходит от примерочной.

Я в полном шоке опускаюсь на небольшой стул. Сердце запоздало начинает ухать в груди.

Ну и как этого Швецова понимать? Просто с ума сойти можно... Это фора? Или я только что его окончательно разозлила?

Глава 8

Ожоги разной степени

Варя

Собрав в кучу свои растерзанные чувства, выхожу из примерочной. Покупки уже стоят упакованными в большие фирменные пакеты на стеклянном столике. Кажется, что их гораздо больше, чем должно быть, но мне все равно.

Швецов сидит рядом с Марьей на диване и слушает ее болтовню с, прямо таки, неподдельным интересом. Подойдя ближе, я улавливаю обрывок диалога.

– Мама любит гречку. Она говорит, что это очень вкусно, – вещает дочь.

– А ты, значит, гречку не любишь? – уточняет Швецов.

– Не-а, – мотает Маша головой. – Я люблю варёную колбасу и роллы.

– Роллы? – искренне удивляется он.

– Угу, – кивая, болтает она ногами.

– Ну хорошо, роллы так роллы, – пожимает плечами Швецов. – Сейчас дождёмся маму и пойдём ужинать.

– Скорей бы, – вздыхает дочь. – Животик урчит... Слышишь?

– Марья никогда не пробовала роллы, – подхожу я к ним ближе и забираю со стола пакеты. – Но она действительно не

ужинала, и ей нельзя долго быть голодной.

– Почему нельзя? – хмурясь, оборачивается на меня Александр.

Марья притихает, понимая, что пришла ехидна-мать, и номер с роллами не удался. Кидаю на неё строгий взгляд.

– Потому что у нее периодически обостряется гастрит, – объясняю ему с тяжёлым вздохом.

– Гастрит в четыре года? – снова смотрит он на меня, как на вселенское зло.

– Ну ты же видел ее медицинскую карту, – не удерживаюсь я от едкости. – Что же не изучил?

– Варя, – предупреждающе рычит он. – Просто ответь.

– Ну давай как-то не при всех, – развожу я руками, как бы намекая, на продавца и пару других покупателей.

– Ладно, – склоняет голову на бок Александр и решительно встаёт. – Пошли? – подаёт Маше руку.

Дочь соскальзывает с дивана и юркой мышкой подбегает ко мне.

– Я с мамой, – виновато смотрит на меня.

Целую ее в макушку и глажу по растрепавшимся косичкам. Подлизаа.

– Совершенно необязательно идти в ресторан, – говорю Швецову. – Если у тебя дома есть молоко и овсянка этого вполне достаточно.

– Я уже пообещал, – рявкает он в ответ и решительно направляется к выходу из магазина.

За столом в ресторане я стараюсь вести себя уверенно и не впадать в состояние восторженной, бедной родственницы. Но цены меня повергают в острое ощущение собственной неполноценности. Нет, ну на это просто не возможно иначе реагировать, когда одно блюдо стоит столько, сколько мы с Марьей съедаем на двоих в неделю.

– Пасту, том-ям, устрицы? – предлагает мне Швецов. – Или все-таки борщ? – с усмешкой.

Да, действительно очень долгий период наших с ним отношений в ресторанах я заказывала борщ. Просто потому что меня пугали названия и неизвестные вкусовые качества, а цен в тех ресторанах не было вовсе.

– Да, – не ведусь я на провокацию, откладывая в сторону меню. – Марье борщ, а мне пасту. Спасибо большое.

Швецов делает заказ, удивляя меня тем что берет себе тоже самое, только добавляя тарелку мясной нарезки.

Марье приносят фирменный детский сундучок от ресторана с фломастерами, раскрасками и прочими играми.

– Ну, я тебя слушаю, – откидывается на спинку дивана Швецов.

– Что ты хочешь услышать? – я моментально ошетиниваюсь. Не могу это пока контролировать.

– Историю про гастрит, – напоминает он.

– А, тут все просто, – пожимаю плечами. – Я немного не доносила дочь, потому что ухаживала за мамой. В патологии новорожденных Марье занесли стафилококк. Чтобы вы-

лечить, шарахнули антибиотиками, – горло перехватывает, потому что перед глазами встаёт убогое детское отделение с кюветами. Вот и все... – развожу руками. – Кормление не наладили, потому что в молоке тоже был стафилококк. Была куча смесей. Ей мелкой все не подходило аж месяцев до четырёх. Спасибо твоим деньгам, – усмехаюсь. – Кое-как до полутора лет протянули. Потом я ночным оператором в такси работала. Год назад тетка устроилась в интернат и предложила устроить Марью.

Заканчиваю рассказ и чувствую, как внутри дрожит каждый орган. Мне хочется вцепиться Саше в лицо за все то, что мне пришлось пережить. Ещё больше, за то, что пришлось все снова вспомнить. Господи, ну зачем он появился? Почему не раньше, когда мне нужна была поддержка, почему именно сейчас, когда я более-менее научилась жить?

– Понятно, – хмуро кивает Швецов.

– Мам, красиво? – демонстрирует мне дочь рисунок в лучших традициях Пикассо.

– Да, Машунь, очень, – киваю ей. – Ещё кого-нибудь нарисуй. Давай, вот, солнышко желтым...

Подаю ей фломастер. Беру из держателя салфетки и встаю из-за стола.

– Ты куда? – в панике дочь мгновенно теряет интерес к игрушкам. – Я с тобой... – вцепляется мне в рукав.

– Я сейчас вернусь, – говорю тихо и целую в макушку. Мягко снова подвигаю в Марье раскраску, понимая, что сей-

час сорвусь и зарыдаю. Нужно срочно где-нибудь спрятаться и там перепсиховать.

– Ты куда собралась? – ловит меня за запястье Швецов.

– В туалет, – огрызаюсь, выдергивая руку.

Зайдя в кабинку, обнаруживаю на телефоне десять пропущенных вызовов от тётки и перезваниваю. Пару минут слушаю от неё совершенно неуместные напутствия о том, как себя вести с «уважаемым человеком» и борюсь с острым желанием бросить трубку.

– Ладно, я все поняла, – тетя Ир, – перебиваю ее. Мне пора.

– Варя, ты меня слушай, – не сдаётся она. – Я давно живу. Будь с мужиком ласкова, не огрызайся...

– Может, мне с ним ещё в постель лечь? – не сдерживаюсь я.

– А с тебя убудет? Он не алкоголик, не бомж, при деньгах. Вам что? Лишение они? – гнёт свою философию тетка.

– Все! До свидания! – рявкаю и сбрасываю вызов.

«Не алкоголик, не бомж, при деньгах» – передразниваю ее у себя в голове.

Действительно, подумаешь, сидел человек за убийство. Ну пустяки же! Такое, ведь на каждом шагу!

Кстати, очень интересно... если Швецова пустили в переборную, это значит, что уголовной судимости у него нет. Но это совершенно не значит, что он никого не убивал! Мне кажется, что мог...

Когда мы встречались, я думала, что Александр просто удачливый бизнесмен. Он часто говорил по телефону о стоимости акций каких-то компаний, улетал в командировки, у него был красивый кабинет, где я любила готовиться к экзаменам, и имелся достояно большой штат подчиненных.

Когда я спрашивала его о семье, он преимущественно говорил о бабушке. Об отце – вскользь. О матери – никогда...

Ручка на двери дергается несколько раз, деликатно оповещая меня о том, что пора выходить. Да, Марья уже, наверное, волнуется.

Выхожу из кабинки под красноречиво-осуждающим взглядом дамы преклонных лет. Мою руки и машинально бросаю взгляд в зеркало.

Из него на меня смотрит растрёпанная, немного опухшая после бессонной ночи, серая девушка в чёрном свитере.

Ну оно и к лучшему. Будет меньше шансов снова понравиться Швецову.

Я специально даже не поправляю волосы. Только стираю салфеткой потекшую тушь.

«Боже, о чем ты вообще думаешь, Варя?!» – оживает голос в моей голове. – «Швецов, как мужчина, больше не должен для тебя существовать! Даже если останется единственным на этой планете! Ты должна построить с ним диалог ради дочери. Все!»

Возвращаюсь в зал и на мгновение столбенею, видя, как Марья, обняв свои игрушки, рыдает во весь голос.

Долетаю до дочери за секунды и буквально выдерживаю из-за стола, подхватывая на руки.

– Мама... – обнимает она меня, всхлипывая.

– Тихо, тихо, – шепчу ей в ушко и целую. – Ну моя маленькая, мышонок, ну ты чего?

Разворачиваюсь к Швецову лицом и вкладываю в свой взгляд максимум расчленяющей ненависти.

Он встречает его спокойно.

– Марья обожгла язык, – пожимает плечами. – Я говорил дождаться маму. Она не послушала.

Мне хочется ответить, ему что-нибудь резкое о том, что она ещё ребёнок и не умеет оценивать потенциальную опасность, но к столику подходит официант, и мне приходится временно замолчать.

– Ваша вода, – ставит парень на стол стакан и виновато смотрит на Александра. – Я прошу прощения за случившееся от лица ресторана. И в качестве компенсации предлагаю выбрать десерты за счёт заведения.

– Свободен, – кивает ему Швецов.

Я спускаю Марью на диван и подаю воду.

– Давай поедим, – пресекая дальнейшие разборки, строго предлагает Александр. – Я на одном кофе и канapé с двенадцати дня живу. А потом продолжим наше приятное общение.

Мой желудок, почувствовав запах еды, успевает ответить урчанием, быстрее, чем я открываю рот.

– Вижу, ты согласна, – хмыкает Швецов.

Чувствуя, как щеки начинают гореть, киваю и беру вилку.

Глава 9

Задевает...

Швец

Марья засыпает, едва мы выезжаем с парковки торгового центра. Варвара, пользуясь сумерками, тоже притихает и укладывает голову на стекло. Меня дёргает от того, что ее бедро касается моего. Не хочу отодвигаться. Сдаваясь, плаваю в горячем ощущении похоти. Хочу ее. Снова. Реакция тела там в примерочной была мгновенной. Аж бедра свело. Я был буквально в нескольких секундах до того, чтобы загнуть ее и взять. Как раньше, жадно и не церемонясь. Чтобы глазки свои дерзкие притушила, а рот издавал правильные, сладкие стоны, вместо змеиного шипения. Пара поцелуев в шею за ушком и девочка бы была для меня готова. Просто загнуть, сдёрнуть штаны и... Rrrrr! Да, врезаться. Стребовать по полной с неё за те ночи, что жила в моих снах. Раньше я бы так и поступил. Просто дал денег консультанту магазина и попросил десять минут нас не беспокоить, но сейчас, конечно, ситуация этого не позволяет. Во-первых дочь, во-вторых маленький город и любопытный менталитет, в-третьих... Варвара была бы против, а брать силой – это перебор.

«Мать твою!» – психую, ощутимо прикладываясь затылком к подголовнику. – «Ну и жечь в голове! Накрыло, будто

в первый раз красивую женщину увидел.»

Достаю из подстаканника бутылку воды и делаю несколько глотков. Хочется курить, но при девочках этого делать нельзя.

Марья что-то бормочет во сне, и ворочается, устраиваясь удобнее. Смешная. Хорошая. Улавливаю в ее лице свои и Варины черты. Нос точно ее, а вот губы и подбородок мои. Мне хочется побыстрее рассказать дочери, что я не дядя Саша, а ее «папа», но понимаю, что рано, и это бесит.

Хочется нещадно лупить по Варваре, за то, что она лишила меня единственного родного человека. Забрала возможность видеть, как растёт. И сделала бы это навсегда, если бы не случайная встреча.

Действительно, отец ребёнка – бывший зэк! Зачем он ей? Чему может научить? Лучше жить, где попало, жрать, что попало, работать ночами, но зато быть честной и гордой. Ну, ожидаемо... Варвару этому всю жизнь учила мать. Почетный библиотекарь, между прочим, не абы кто! Если бы она узнала, что ее лечение спонсированно не фондом, а теми самыми нечестными деньгами, она бы ни за что не пошла на операцию. Мне пришлось заморочиться.

А теперь ты, девочка, решила меня разжалобить рассказом о том, как чуть не угробила ребёнка вместе со своей принципиальной мамашей? Так нужно было просто не убежать! У вас бы было все самое лучшее. Роддом, вещи, условия жизни... Бесит и не отпускает! Зато теперь хотя бы по-

нятна история про бабки. А если бы их не было?

Я смотрю на девочек практически всю дорогу и пытаюсь представить дальнейшую жизнь. С Варей и... без неё.

Но теперь уже не потому, что у меня есть подозрения в ее материнской состоятельности, а потому, что она явно меня презирает. На столько, что не боится это демонстрировать и жалеет лишь о том, что никак не может больше исключить мое присутствие.

А иметь там, где ты ешь и спишь, врага в лице женщины – это самоубийство. Даже если держать ее в постоянном моральном напряжении, в какой-то момент она перестанет бояться. Да, у страха тоже есть предел. Помимо всего прочего, публичность скоро сделает меня уязвимым в вопросе морали. Моя рожа будет висеть на «каждом углу», а это значит, нужно сыграть на опережение.

Угроза отобрать дочь должна стать для Варвары осязаемой. Должна прогнать и навсегда сделать ее заинтересованной в моем благополучии. Нужны документы и показания свидетелей о том, что Варя плохая мать. Их никто и никогда не увидит. Это просто ошейник. Да, воспитательный. Она была права, когда сказала, что я умею им пользоваться. Но делаю это только во избежание откусывания кормящей руки хозяина.

Один старый знакомый, как-то объяснял мне, почему восточные женщины так любят своих мужчин, берегут, и в отличие от наших никогда не желают им ничего плохого. Все

просто. От опекающего мужчины зависит их жизнь и благополучие. Не будет его – не будет ничего. Мне очень тогда зашла эта мысль.

В замен же я обеспечу ей и дочери полную материальную защищенность. Няня, кружки, секции, элитные школы. И белый счёт в банке. На случай, если меня вдруг не станет. Постепенно Варвара перестанет истерить и просто привыкнет. Про постель вариативно. Захочет ласки – сама придет. Я чувствую, что придёт. Не выдержит без мужских рук. А никто другой к ней не прикоснется. Рядом с моим ребёнком никогда не будет другого мужика!

Помимо всего прочего, наличие семьи даст мне огромный бонус перед Авериним. Я задавлю эту гниду, выведу к чертовой матери отсюда весь его алкобизнес, запустив в область крупную сеть супермаркетов.

От некой иллюзии порядка в голове, наконец-то перестаёт колотиться с оттяжкой сердце. Я начинаю дышать ровнее. И как будто жизнь становится полнее, осмысленнее. Замечая, что машина свернула на дорогу к дому, трогаю Варвару за плечо.

– Просыпайся, Варя. Приехали.

Она распахивает пушистые ресницы и первые несколько секунд смотрит на меня с настоящим ужасом. Глаза расширяются, губы вздрагивают.

– Саша? – шепчет вопросительно, – Ты откуда...

Но не договорив, несколько раз моргает, приходя в себя

ото сна, и кивает.

– Да, спасибо.

Я сжимаю челюсти до хруста. А задевают эти реакции. Играть в сволочь и быть ею – все-таки разные вещи...

Глава 10

С больной головы на здоровую

Швец

Это необычно – чувствовать, что ты в доме не один. Кручу в руках кружку с растворимым кофе и делаю глоток. Он обжигает горло, желудок, но как-будто согревает изнутри. Это кстати. От насыщенности дня колбасит.

Оборачиваюсь на звук робких шагов по лестнице.

– Я Марью раздела и уложила, – говорит Варя, отягивая рукава свитера. – Скажи, пожалуйста, где я могу принять душ?

– Душевых две, – отвечаю, окидывая ее взглядом. Особенно задерживаюсь на груди. Хороша. – Одна – в моей комнате, вторая – справа от кухни. Полотенца и халаты там же.

– Спасибо, – шепчет Варя и, конечно, идёт в ту ванную, что на первом.

Делаю глоток и усмехаюсь. Мда... Ещё раз отписываюсь помощнику, что не приеду. Сил нет никаких, да и не в форме я о делах говорить. Слишком много на этой женщине завязано того, что следовало бы забыть. Ну или по крайней мере, не сваливать на неё, но не выходит. По грудиने идёт спазм. Если верить заключениям врачей, я здоров. Это нервное. Надо покурить и успокоиться. Ага, после кофе покурить. Супео,

Швецов!

Прислушиваясь к шуму воды, накидываю жилет с капюшоном и поднимаюсь на балкон второго этажа.

Здесь стараниями предыдущих владельцев горят новогодние гирлянды. Мне нравится, хоть я и не любитель праздничной мишуры. Свет мягко мигает, меняя цвета.

Прикуриваю сигарету и разминаю немеющие пальцы. Да, мне говорили, что чтобы полегчало, нужно прежде всего бросить курить, но я не могу. Это как процесс медитации. Только с самоуничтожением.

Нельзя сказать, что я не пытался... Честно целую неделю заменял никотин конфетами, пока не разболелся зуб.

Тушу сигарету и вдыхаю морозный воздух. Надо идти ложиться. Завтра полно работы.

Закрываю балкон, подхожу к лестнице и понимаю, что тянет меня сейчас в другую сторону. К двери в конце коридора. Просто посмотреть, как Марья спит. Что это вообще?

Но ноги уже идут... Я тихонько приоткрываю дверь и впииваюсь глазами в маленькую «креветку» под одеялом. Кладу голову на дверной косяк и зависаю. Каким-то умиротворением это отдаёт: ночник, ребёнок с игрушками в обнимку, женские вещицы на столе. Может, я просто устал и нетрезв?

Уже хочу закрыть дверь, как Марья вдруг начинает хныкать во сне. Жалобно так. Со стоном. Сучит ножками и сбрасывает с себя одеяло. Оно тяжёлое, и падая с кровати, тянет Марию за собой.

Теряясь от ситуации, сначала дёргаюсь в коридор, чтобы позвать Варю, но, потом решаюсь сначала подойти и поправить одеяло.

Дергаю край вверх, определяю ноги Марьи обратно на кровать... а дальше мое сердце впервые в жизни замирает от страха. Мелкая начинает орать, дергаться, вырвавшись из моих рук, подскакивает на постели и распахивает глаза.

Даёт моим нервам передышку в пару секунд и срывается в новый приступ рыданий.

– Мама! Мама!

Открываю-закрываю рот, не зная, что делают в таких случаях. Это разве вообще нормально? Просто ни с того ни с сего так орать? Капец вообще...

– Маш, да ты что? Не узнала? – бормочу потеряно. – Мы с тобой медведя покупали... В магазине, ну?

– Что случилось? – в комнату ураганом залетает перепуганная Варвара в банном халате.

Кидается к дочери.

– Мышонок, ты чего у меня? Я с тобой. Я рядом, – вытирая дочери щеки, зацеловывает от макушки до подбородка.

– Мама... мама, – захлёбывается слезами Марья.

Ну, блин, жуть... Не зная, чем помочь, просто стою и ершу волосы на голове пятерней.

– Что произошло? Почему она плачет? – развернувшись на меня, рывкает Варвара.

– Она заплакала, я посмотреть зашёл, – говорю, невольно

оправдываясь. – У неё одеяло падало. Я поправил...

– О Господи! – подкатывает глаза Варя и повышает голос. – Ты что не знаешь, что когда человеку снится плохой сон, его нельзя хватать? Особенно ребёнка! Не знаешь, что делать, не делай хуже...

– Я не знаю?! – вспениваюсь от ее обличительной тирады. – Я не знаю, что было с ребёнком! Не просто ж так она по ночам орет!

– Вот именно, Швецов! – не уступает мне Варвара. – Ты ничерта не знаешь!

– Я завтра же пригоню сюда штат врачей, – рычу ей в ответ. Вывела. – И не дай Бог с Марьей будет что-то не в порядке. Ее осмотрят с головы до ног и возьмут все анализы.

– Себе голову осмотри! – оскаливается Варвара. Делает глубокий вдох и прижимает к себе притихшую от наших разборок Марью. – Выйди, пожалуйста, я иначе не успокоюсь. И дочь не успокою.

Сжимаю кулаки и киваю. Выхожу из спальни, прикрывая за собой дверь. Спускаюсь в гостиную и первым делом допиваю залпом свой уже остывший кофе. Падаю на диван. От эмоций протряхивает. Идея с врачами не кажется глупой. Реально, мало ли что. Пусть посмотрят...

Спустя десять минут, наконец, нахожу в себе силы отправиться в душ. Нужно бы, конечно, в свой, но мне, как извращенному маньяку, хочется в тот, где мылась ОНА.

Этот самый маньяк просто заходится в экстазе, когда в ду-

ше я обнаруживаю ещё и вещи Варвары. Свитер и джинсы не привлекают. А вот чёрные лифчик и трусики... Мне хватает просто взгляда на них, чтобы все мужские инстинкты встали в стойку.

От мысли, что по моему дому ходит женщина без белья темнеет в глазах. А ещё она по-любому за ним спустится. Нужно только подождать...

Глава 11

Слабость

Швец

Ну и что дальше? Набросишься на неё? Силой возьмёшь?

Черт! Да нет, конечно... Надо идти в душ, как собирался.

И так в голове полная каша.

Чтобы случайно не передумать, скидываю вещи на пол и захожу в кабину. Включаю напор воды посильнее и чередую холодную с горячей. Жирно намыливаю голову шампунем с ментолом и, психуя, отшвыриваю флакончик на пол. Ничего не помогает. Ну не самому же мне себя разряжать, в самом деле? Но руки тянутся... Упираюсь ими в стену и выкручиваю кран на ледяной тропик.

Замёрзнув, смываю пену водой чуть теплее и выхожу из кабины. Первым делом проверяю на месте ли женские вещи. На месте...

Не придёт? Может, просто уснула рядом с дочерью, а я тут, как дурак, круги наматываю.

Накинув на тело махровый халат, кладу трусики Варвары в карман и уже собираюсь выходить, когда на пороге ванной появляется хозяйка моего трофея. Она со вскриком дергается, увидев меня, и хватается за сердце.

— Швецов... — выдыхает.

Даю пару секунд ей прийти в себя.

– Маша уснула? – хмурюсь.

– Да... – отвечает Варя опасливо. Ее взгляд скользит мне за плечо. – Ты трогал мои вещи, – она не спрашивает, а, скорее, констатирует.

– Да, – пожимаю плечами и отвечаю честно. Какой смысл отпираться?

– Разреши, я заберу их... – она пытается втечь в ванную бочком, не коснувшись меня.

У неё это почти получается, просто в самый последний момент я резко разворачиваюсь и сношу Варю весом к стене. Сжимаю ее талию и жадно вдыхаю запах с волос. Ни от одной женщины никогда мне больше так голову не отрывало! И, словно, в первый раз с ней все или не было этих пяти долбанных лет... Тогда, почему нет? Ведь все уже было...

Вскрикнув, Варя начинает отбиваться.

– Нет, не смей...

– Тише, тише, маленькая, – шепчу ей, тяжело дыша. – Мы чуть-чуть.

Мои губы скользят по кромке ее ушка. Она каменеет.

– Отпусти... Не трогай! – истерично хрипит. – Я не хочу быть с тобой. Слышишь?!

А я не могу не трогать! Как одуревший дышу ее чистым запахом, глажу бедра и тяну пояс халата. Сердце лупит в рёбра.

– Я только посмотрю, – обещаю полнейшую чушь.

Лишь бы только сейчас добраться до ее тела. Я так соскучился. Я хочу его видеть!

– Нет, нет! – хватает Варя мои руки.

Я прижимаюсь губами к ее скуле и все-таки развязываю узел на халате. Пальцы касаются нежной кожи.

Бах! Неожиданно мне по лицу прилетает реальная, тяжелая пощёчина. До искр из глаз.

Она действует правильно. Я будто прихожу в себя и, наконец, вижу Варины испуганные глаза.

– Мать твою... – бормочу ругательства. Какой же ты, идиот, Швецов. С чувством прикладываю кулак в кафель возле головы Варвары. И снова толкно после действия осознаю, что пугаю ее этим ещё сильнее.

Варя буквально вжимаются в стену и вся дрожит.

– Прости, – говорю, убирая от неё руки и делая на шаг назад. – Я не трону тебя сегодня. Прости...

Она цинично ухмыляется и, запахивая халат, впивается в меня горящими глазами.

– Никогда, Швецов. Ни сегодня, ни завтра, ни через неделю... – разгоняется тирадой, повышая голос.

– У тебя не будет других мужчин никогда, – перебивая, рычу ей в ответ, и сжимаю зубы.

– Мне они не нужны! – Вспыхивает Варвара. – Я в своей жизни навлюблялась за глаза и уши! Аж пять месяцев тошнило!

– Тошнило тебя? – я не сдерживаюсь и снова подлетаю к

ней. Перехватываю пятерней ее подбородок и заставляю посмотреть в глаза. Пусть повторит! – От меня тебя тошнило?
– От тебя, Швецов, – отвечает она с вызовом.

В моей голове срабатывает детонатор. И буквально в последние секунды до взрыва я выбираю свернуть ли сейчас одну прекрасную женскую шейку или всё-таки наказать ее рот.

Выбирая второй вариант, впиваюсь в губы Вари поцелуем. Прихватываю ее за затылок, чтобы не могла отстраниться, и несколько секунд терзаю губы. Сладкие, чуть припухшие. Зараза! Отстраняюсь, чтобы глотнуть воздуха.

– Тошнит? – встряхиваю Варвару. – Отвечай!

– Я имела ввиду токсикоз, – шепчет она, отворачивая от меня лицо и съезжает вниз по стене, обхватывая себя за плечи. – Но теперь действительно тошнит. От тебя, Саша.

Я смотрю на Варвару, как контуженый. И сам не могу прийти никак в себя от той жести, что сейчас произошла. В груди болезненно и душно. Мерзко от самого себя. Зачем? Зачем я к ней полез? Почему меня вообще так накрыло? Почему она постоянно меня провоцирует? Будто специально лупит и не мажет по самому больному! Ну не надо, мать твою, играть со мной в шарады, когда я не в адеквате!! Варя же это знает! Да, наверняка. И просто каждым словом показывает, как меня презирает. Я должен через это пробиться? С хрена я ей что-то должен!? Она же знала, кто я, когда ложилась в мою кровать!

А она даже ребёнку имени моего не дала...

– Забирай вещи и иди спать, – говорю ей тихо и резко отворачиваюсь, чтобы она сейчас не увидела, как мне хреново. Когда-то ей хватало одного взгляда в мои «нечитаемые», как уверяли мои соперники по блек джеку, глаза, и она понимала, как прошёл мой день!

Ну не просить же ее меня принять, простить и полюбить?!

За моей спиной хлопает дверь. Я жду ещё пару минут и только после этого выхожу.

Кидаю себе на диван плед с подушкой, чтобы быть от Варвары максимально далеко и пью несколько глотков алкоголя прямо из горлышка. Завтра мне будет мучать сушняк, но это будет хоть как-то отвлекать от того, что беспокоит по-настоящему.

Слабость к женщине стоила жизни моей семье. Своих ошибок я не повторяю.

Глава 12

Новый день

Варя

Утро сваливается на голову неотвратимо. Как пыльный тяжелый мешок с верхней полки в подвале. И ты после этого удара, вроде, в себя пришла, а все равно не понимаешь, где ты и что ты...

Перед моими глазами дрогой глянцевый потолок, постель едва уловимо пахнет лавандой, а ещё, наконец-то мне не холодно, и в бок не впиваются пластиковые бутылки с водой.

Машуня спит, сбросив с себя одеяло. Я же наоборот – накрываюсь им с головой и издаю тихий стон. Господи, как дальше жить то? Что говорить дочери? Как решать вопрос с работой? Как вести себя со Швецовым? И после вчерашнего... как в доме то одном с ним находиться? Да, я не хотела его поцелуев и ласк, но только головой. Тело вспомнило хозяйские руки мгновенно. Потянулось, потекло, захотело остаться и ничего не решать... Господи, позорище какое.

– Мама... – начинает копошиться Маша и стягивать с меня одеяло.

– Доброе утро, мышка, – говорю с улыбкой и привстаю на локте.

Она удивлённо водит глазками, осматриваясь.

– Мы у дяди Саши дома, – решаю помочь ей восстановить в памяти вчерашний день. – Ты так нагулялась, что уснула в машине.

Встрепенувшись, дочь находит на кровати свои игрушки и забирается попой на подушку.

– А мы в интернат не пойдём? – склоняет голову на бок и хитренько прищуривается.

– Сегодня не пойдём, – отвечаю уклончиво.

Собираю растрёпанные волосы в хвост под резинку и отправляю халат. Интересно, который час? Нахожу телефон и, игнорируя звонки от коллег, смотрю на часы.

– Ого, Машунь, – восклицаю вслух, – уже десять часов. Вот это мы поспали.

– А тут пол тёплый, – радостно сообщает мне дочь, спуская с кровати ноги.

В ответ я вздыхаю. Это Марья ещё ванну не видела. Да, у Швецова дома гораздо лучше, чем у нас. И если уж быть совсем честной с собой, то мне бы очень хотелось, чтобы дочь здесь немного пожила. Потому что я пока не могу дать ей условий лучше. Неизвестно когда в нашем доме подключат стабильное тепло. Хоть президенту, хоть Богу пиши.

– Пойдём мыться и завтракать, – ловлю на руки топающую мимо меня Машу.

– В окошко посмотреть хочу, – требует она.

– Давай потом...

– Неть... – кривит губы. – Сейчас...

Подхожу с ней к окну и отодвигаю штору.

От соседей дом Швецова отделяет высокий деревянный забор с тяжёлыми металлическими воротами и плотная посадка высоких, заснеженных елей. На них едва заметно мигают огоньки. Красиво... В глубине двора имеются ещё две небольших постройки из сруба. Из трубы одной идёт настоящий дым. Интересно, кто там живет. Охрана?

С неба все продолжает валить хлопьями снег. Он ложится на землю и крыши плотными, глубокими сугробами.

Нарушают единство ровной снежной белизны только собачьи следы и расчищенная главная дорожка со следами шин.

– А мы гулять пойдём? – трогает Марья стекло ладошкой.

– Давай сначала сделаем все утренние дела, а потом посмотрим, – говорю ей строго и опускаю штору на место.

Собрав для ванны необходимые вещи из вчерашних покупок, увожу Марью из спальни, и уже на лестнице я понимаю, что дома мы не одни. В воздухе витает запах еды и свежего кофе. Нет, ну не сам Швецов стал к плите, в самом деле? Может быть, домработница?

Диван, на котором вчера обосновался Александр, убран и заправлен. Я прохожу до кухни и замираю прямо на пороге, увидев возле плиты девушку лет тридцати в фартуке поверх обтягивающего короткого платья.

Ого, нечего себе «домработница». Или это женщина Швецова? Тогда почему он вчера целовал меня?

– Мам, а зубки чистить? – Марья сдаёт наше присутствие с потрохами.

Девушка оборачивается и начинает улыбаться прохладной, натянутой улыбкой.

– Доброе утро, завтрак готов, – она окидывает нас цепким взглядом с легкой неприязнью. – Александр уже уехал, но просил передать, что будет в двенадцать.

– Спасибо, доброе утро, – киваю я девушке, не осмеливаясь уточнить статус, но тоже разглядываю ее.

Для обычного обслуживающего персонала слишком фри-вольна, для любовницы Швецова слишком сдержана и неуверенна. Очень интересно...

– Кушать хочу, животик бурчит, – начинает дергать меня за руку Марья.

– Мы сначала в ванну, – говорю я девушке, приходя в себя. – А потом с удовольствием позавтракаем.

– Да пожалуйста, – фыркает она, отворачиваясь к плите.

Провожу дочь в ванную, наливаю ей в джакузи немного шампуня, и пока она с удовольствием плескается в пене, тоже привожу себя в порядок.

– Мамочка, а я плаваю, – счастливо повизгивает Марья и пытается дуть на мыльную пену. Переворачивается в воде со спины на живот, запускает шампунь корабликом и топит его.

– Бабах!

– Не брызгайся, – качаю я головой.

Сушу феном волосы и втаскиваю дочь из воды, завернув

в большое полотенце.

Надеваю ей новое платье, оставляя вчерашний комплект трусиков с маечкой. Наше новое бельё я закладываю в стиральную машину и запускаю стирку, вспоминая, что мои вчерашние трусики пропали с неё совершенно магическим образом.

Извращенец Швецов! Особенно если спит с этой домработницей... то это вообще отвратительно.

Завтракаем мы с Марьей, слава Богу, в одиночестве.

– Фу, – морщится дочь, ковыряясь в каше, – не хочу.

– Ешь, что за глупости, – привычно рычу на неё я.

Ставлю на стол две кружки с кофе и чаем и сажусь на стул.

Отправляю в рот ложку каши из своей тарелки и тут же выплёвываю ее обратно, почувствовав горечь прокисшего молока и знакомый привкус ванилина.

– Так все ясно, – подхватываюсь на ноги и уношу тарелки к раковине.

Заглядываю в шкафчик, где по предположению должна быть мусорка и подтверждаю свою догадку, находя в ведре два контейнера от полуфабрикатов.

Нет, если Швецову нравится жрать этот суррогат, то своему ребёнку я буду готовить нормальную еду сама.

Наглея, распахиваю холодильник и вываливаю из него упаковки с нарезками. Нахожу хлеб, делаю нам с Марьей обычные бутерброды и возвращаюсь за стол.

Из глубины дома доносится звук пылесоса. Мне поче-

му-то становится неприятно от мысли, что эта девушка будет убирать в комнате ребёнка. Лучше я сама... Да и вообще. Швецов может платить за уборку мне. Все равно на работе меня никто держать с таким количеством прогулов не станет, а деньги нужны...

Неожиданно дом наполняется топотом и шумом новых голосов.

– Располагайтесь в гостиной, – слышу властный бас Швецова, – я пока схожу за ребёнком.

Напрягаюсь от формулировки и чувствую, как пульс моментально подлетает, начиная стучать в ушах. Александр не пошутил? Он что действительно привёл для Марьи медицинскую комиссию? Ну и сволочь!

– Зайка, ты доедай пока, – поднимаюсь из-за стола и целую дочь в макушку, – а я пока на минуточку отойду...

Глава 13

Свои люди

Варя

– Я – мать, и я запрещаю трогать моего ребёнка! – встаёт у меня на пути Варя. – Ты вообще меня слышишь? Саша! Она здорова. Я тебе клянусь. Просто вчера перевозбудилась. У детей так бывает. У детей вообще много чего бывает!

– Варвара, отойди в сторону, – говорю спокойно и давяще. – Людям заплачены деньги, я потратил свое рабочее время. Невролог, педиатр и медсестра из лаборатории. Ничего криминального!

– Я запрещаю! – нервничает она. – Я покажу тебе справки. Мы проходили комиссию в сентябре.

– Все! – рявкаю. – Врачи ждут! Приведи Марью и сделай так, чтобы она не боялась!

– Ненавижу тебя! – шипит Варя и достает из кармана телефон. – Убирай их немедленно или я прямо сейчас вызову полицию! Нет, лучше, – повышает голос. – Найду в какого-нибудь твоего конкурента и расскажу, что ты нас похитил. Угрожаешь расправой. Угадай, чья предвыборная кампания станет под огромный вопрос, – сверкает она на меня глазами и часто дышит.

Выкручиваю ее запястье и забираю телефон.

– Ай! Нет! – вскрикивает Варвара. – Отдай! Ты... – шипя, как кошка, растирает руку и бьет меня по груди кулачками.

– Пусть твоё средство расправы пока у меня побудет, – отвечаю, стараясь не реагировать на ее истерику и поднимая телефон на вытянутую руку вверх.

– Иди ты к черту, Швецов, – говорит Варвара с чувством. – Там тебе исчезнуть самое место.

Разворачивается, сбегает с лестницы, и тут я понимаю, что она направляется не на кухню за Марьей, а топает напрямиком к врачам. Ну зараза!

На секунду прикрываю глаза, давя в себе желание ударить по Варваре соответственно ее словам. Да и был я уже у черта. Вернули. Сказали, что на земле для меня страдания качественнее.

– А ну-ка стоять, – рывкаю, догоняя Варю. И, прихватив за шкуру, заталкиваю ее в подсобку под лестницей.

– Пусти, аaaa! Помогите! – выкручиваясь, вопит Варвара, но все звуки тонут в моей ладони, которой я зажимаю ей рот.

Втрамбовываю девчонку в стену с вещами и наклоняюсь к ее уху. Меня самого от этой истерики уже протряхивает.

– Послушай, дорогая моя, – говорю таким тоном, что плечи Вари передергивает. – Если ты продолжишь со мной воевать, то финал тебе сильно не понравится. И ты не сможешь сделать ни-че-го. Как думаешь, кому при наличии дома, должности и необходимой суммы отдадут опеку над ребёнком? Правильно, не тебе... А если и после этого продол-

жишь боевые действия, то я просто спрячу Марию! И ты ее не увидишь больше. Никогда...

Варвара всхлипывает и перестает дергаться, обмякая. Так несчастно вжимается в пуховик на вешалке, что мне хочется ее пожалеть и попросить прощения. А с хрена я должен это делать? Но делаю. Перестаю зажимать рот и глазу костяшками по щеке.

– Ну все... успокойся.

– Ты же ничего не знаешь о ней, – говорит она иступленным, дрожащим шепотом. – Что любит, о чем мечтает, какой родилась... Вес, рост, что ест... Тебя, наверняка, постоянно не бывает дома. А твоя дешевая домработница чуть не отравила ее сегодня...

– Почему это дешевая? – перебиваю я. – Самую лучшую прислали из агенства. Я специально утром просил, чтобы приготовила детское меню.

– Швецов, – качает Варвара головой, – она выглядит, как дешевая девка. Хотя, это в твоём вкусе...

– Подожди, – наконец, доходит до меня. Будто ледяной водой окатывает. – Как это чуть не отравила?

– Кашу просроченную из магазина он разогрела. Не знаю зачем. Наверное, решила за свою выдать и даже не попробовала, – отвечает Варя, поправляя растрепавшиеся волосы, и разворачивается.

– Я сегодня же уволю эту суку, – обещаю, сжимая от злости челюсть.

Как там ее звали? Забыл. И контору их разнесу к чертовой матери! Нужно повести сюда нормальный персонал из Москвы. Почему я сразу этого не сделал? Взял только охрану и команду на время предвыборной.

– Отдай мне телефон, Саша, пожалуйста, – просит Варвара. – Я не буду никому звонить. Обещаю... – добавляет, стирая со щёк слёзы.

– Пока – нет, – отрицательно качаю головой.

– Там по работе звонили, ну пожалуйста, – шелестит Варвара. – Нужно предупредить... И Маша играет в раскраски.

– Я куплю ей детский планшет, – обещаю примиряюще. – Пусть нашу дочь посмотрят врачи. Я позвал их, чтобы быть уверенным в ее здоровье. Мне это важно. Ей Богу, чуть не поседел, пока она орала. И если научимся договариваться, верну тебе телефон через пару дней.

– Ясно, – опускает Варя глаза. – Наверное, я должна тебе сказать «спасибо»...

– Но ты не хочешь, – хмыкаю я.

Да, честность в Варваре всегда была свята.

– Нет, не хочу, – отвечает зло и тихо. – Выпусти меня. Маша там на кухне одна.

Открываю дверь подсобки. Варвара вылетает из неё вихрем, толкнув меня в плечо, но поравнявшись с гостиной неожиданно тормозит и возвращается, заглядывая внутрь.

Я подхожу к ней ближе и понимаю в чем причина остановки.

Нет, мой мир, определенно, больше никогда не будет прежним.

Марья стоит на стеклянном столе перед приглашённой комиссией. В одной руке она держит надкусанный бутерброд, в другой – своего ушастого страшилища, и выразительно декламирует стих.

– ...Коля, Коля, Николай
Сиди дома, не гуляй.
Чисти картошку, ешь понемножку.
К тебе девочки придут,
Поцелуют и уйдут.

Женщины не сдержавшись, деликатно посмеиваются.

– Боже... – стонет Варвара. – Изображает выразительный фейспалм, уверенно проходит к дочери и снимает ее со стола. – Здравствуйте, – вполне вежливо говорит врачам.

– Как Маша выросла, – продолжая тепло улыбаться, провозжает их взглядом женщина. Та что постарше. – Всего каких-то пол года...

– Да, жалко, что вы ушли, Ольга Ивановна, – кивает ей Варя, устраиваясь на кресле и усаживая дочь к себе на колени, – у нас на участке после вас уже три педиатра сменили. Два раза карточку потеряли...

Я прислоняюсь спиной к дверному косяку и внимаю занимательному диалогу.

– Ну что поделать, – со вздохом отвечает Варе врач. – Са-

ма понимаешь, с такой зарплатой работать было не возможно. А бегать возраст уже не тот. Любовь Антоновна, вот, — она указывает рукой на женщину помоложе, — в частную меня пригласила. Студенткой у меня была, не забыла старуху...

— Ой, ну что вы, Ольга Ивановна, — отмахивается вторая женщина. — Я вас звала сразу, как только мы открылись. — Переводит взгляд на Варвару и профессионально интересуется. — Так что вас беспокоит в дочери? Мы с ней немного поговорили, развитие соответствует возрасту, никаких отклонений по невралгии я не вижу...

— А это у нас Александра Николаевича что-то беспокоит, — елеинно отвечает Варвара. Поворачивает лицо в мою сторону и мстительно ухмыляется.

Глава 14

Ненавижу тебя, понял?

Варя

– Я сказал, ешь, то что приготовила моему ребёнку... – раздаётся из кухни взбешённый голос Швецова.

Прикрываю глаза и, улыбаясь, откидываюсь на спинку дивана. Нет, я не мстительна, но в этой конкретной ситуации расправа над обидчицей вызывает у меня удовлетворение. Слишком много всего сплелось. Ее хамская надменность, просроченная еда для Машки, моя ревность... Все эти вещи для меня очень болезненны.

– Не будешь есть? – рычит Швецов. – Тогда две минуты у тебя, чтобы в ужасе покинуть мой дом!

Неудавшаяся домработница что-то слезно мямлит в ответ.

Смотрю на каминные часы и засекаю время. Уложится в две минуты?

Марья, уже абсолютно забыв о визите врачей, возится с новой порцией игрушек. Кухня, посуда, кукольный дом... Швецов не знает меры. Я сама очень долго привыкала к этому формату заботы.

В прихожей с чувством захлопывается дверь. Я сверяю время. Четко!

Самое время пойти поговорить с Александром. Пока он выплеснул весь агрессивный запал, а нового не накопил.

Застаю его за ревизией холодильника. Придерживая дверцу плечом, он раздраженно выбрасывает на стол продукты. Капуста, морковь, помидоры, салат в пакетах...

— Идиоты... — с чувством захлопывает холодильник и поднимает на меня глаза. — Нет, ну я им что кролик овощи голые жрать?

— Там, кажется, ветчина была, — отвечаю ему, подходя ближе к столу. — А из этих продуктов можно борщ сварить... Саша, я, в общем, об этом и хотела поговорить...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.